

Практические исследования в сфере гуманитарных и педагогических наук

УДК 316.69

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И СИСТЕМНОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ

*В.И. Бондаренко, кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры гуманитарных и
социальных наук Шахтинского института
(филиала) ГОУ ВПО Южно-Российского
государственного технического университета
(Новочеркасского политехнического института)*

В статье рассматриваются современные интеграционные процессы и то место, которое в них занимает Россия. На основе анализа социологических концепций делаются выводы об основных проблемах и направлениях развития интеграционных процессов.

Ключевые слова: институциональное моделирование, системная интеграция, международная интеграция, национально-государственные структуры, глобальное гражданское общество.

Современные интеграционные процессы следует рассматривать в качестве закономерного проявления естественно-исторической тенденции становления глобального порядка. Россия не может игнорировать эту тенденцию, замкнуться в рамках локальных процессов, выбрать путь автаркии и отказаться от интеграции в мировое сообщество. Глобальная интеграция происходит двумя путями:

1) в процессе стихийного приспособления индивидов, социальных групп, организаций, народов и государств к существующим глобальным тенденциям, к социально-экономическим системам других стран, к становящимся социальным практикам глобального производства, обмена, потребления;

2) в результате сознательной целенаправленной деятельности различных социальных субъектов по моделированию институциональных структур глобальной интеграции.

Первый путь осуществляется как реакция людей и социальных групп на противоречия и разрывы институционального пространства и проявляется в стихийных попытках компенсировать проблемы за счет самоорганизации, создания «новых форм жизненной политики». Именно таким образом вызревали новые формы институциональной организации модерна в период позднего Средневековья. Средневековый человек ощущал растерянность, утрачивая определенность существования: старые институциональные формы уже не работают, но существуют. Новые формы слабо связаны друг с другом, пестры и противоречивы. Из этого пестрого многообразия стихийно формируются контуры институциональной организации будущего мира. Современная ситуация удивительным образом напоминает период становления европейского модерна, но полем институционального поиска становится глобальный мир, а не западноевропейская ойкумена. «Радикальный модерн глобализует

пространство происходящих изменений, что несопоставимо со сферой изменения до современных обществ, так как практически все регионы мира социально и информационно втянуты во взаимодействия» [1, с. 30].

Элемент новизны институциональной трансформации современного глобального мира состоит в том, что часть этого мира, воспитанная в духе модернити, уже не столь растеряна и беспомощна. Рефлексивность модерна порождает стремление посмотреть на становящуюся ситуацию как бы извне, оценить ее, попытаться прогнозировать варианты ее развития. Рождение нового институционального порядка глобального общества – результат двух тенденций: массовых спонтанных практик и планируемой инновационной деятельности, практического воплощения институционально-организационных проектов глобальной интеграции.

Социологические подходы к проблеме конструирования «образов» будущего глобального порядка опираются на социологические модели интерпретации социальной интеграции. Например, существует вариант конструкции из четырех институциональных типов возможной мироцелостности (его авторство приписывают Р. Робертсону), основанный на классической дихотомии *Gemeinschaft/Gesellschaft*, разработанной Тённисом. Будущий мир как глобальная общность предстает в виде пестрого множества замкнутых общин, обладающих уникальной культурой, различным уровнем экономического развития. В отношениях этих общин глобального мира присутствует равноправие и отсутствует стремление подчинить других себе – этаким идеальным мир антиглобалистов. Другой вариант глобального мира как общности опирается, прежде всего, на общечеловеческое согласие на основе общих ценностей и идеалов – вариант Царства Божьего на Земле. Приближают человечество к этому миру различные общественные движения – за мир, экологические, за права человека и др. Глобальное общество основывается уже на специфической совокупности современных институтов. Эта совокупность может быть выстроена как ассоциация независимых, суверенных национальных государств, связанных узами равноправного и взаимного сотрудничества.

Описанные варианты будущей мироцелостности возможны, но предложенная институциональная конструкция имеет существенные недостатки: она отражает бедность социологического воображения теоретика, чрезмерно упрощает вариативность институциональной системы, имеет слабый выход на практическую деятельность. Очевидно, что проблематизируемым элементом системы становящейся глобальной интеграции выступает институт государства. Любая из указанных версий интеграционной динамики в той или иной степени отталкивается от этой точки: либо укрепление национально-государственной структуры, либо кризис и размывание национально-государственной структуры. Установление государства как своеобразной точки приложения сил в проектировании институтов глобальной интеграции не удивительно. Обзор социологических концепций по проблеме социальной интеграции показал, что социологическая классика исследовала национальное государство как «единственное в настоящее время осуществленное общество» [2, с. 376], хотя и не настаивала на принципиальном отождествлении общества и государства.

Моделирование системной интеграции России в глобальное сообщество требует решения вопроса о перспективах института государства. Возможно, что в процессах интеграции ставка делается на социальный институт, не имеющий никаких социальных перспектив. Исследования проблем социальной политики демонстрирует слабость социальных институтов модерна (в первую очередь государства), которые в новых социальных условиях не справляются с решением основных функциональных задач. Институты социального обеспечения в развитых странах меняют функции: из инструментов поддержки и помощи они превращаются в инструменты паразитирования за счет налогоплательщиков, увеличивая число тех, кто предпочитает жить на социальные пособия. Поскольку эта категория пополняется за счет мигрантов, становится очевидным, что трудовая миграция из развивающихся стран превращается из инструмента пополнения

трудовых ресурсов в дополнительную нагрузку на социальную систему. Экономика – мощный фактор социальной трансформации. Количественный рост мировых хозяйственных связей ведет к становлению нового качества мировой экономики, что не может не влиять на институциональную структуру общества. Но если подходить только с экономической точки зрения, то принципы институциональной интеграции любой страны в мировое сообщество состоят в функциональном ограничении государства (вплоть до возвращения к мифической модели «ночного сторожа»), предоставлении полноты действия как местным, так и транснациональным экономическим структурам, учитывая экономическую мощь и большие возможности последних.

Процессы глобальной интеграции затрагивают более глубокие социально-структурные связи, чем уровень эффективности экономических взаимодействий.

Крупнейшими экономическими игроками, действующими на поле национальных государств, выступают транснациональные корпорации и глобальные финансовые организации. Уже к концу XX в. сложился мировой порядок, в котором до половины мирового промышленного производства в той или иной степени контролируют именно транснациональные корпорации. Национальным государствам приходится принимать во внимание существование транснациональных корпораций. Но если производство, контролируемое ТНК, имеет территориальную привязку и в каких-то аспектах подлежит национальному регулированию (например, регулирование трудовых отношений), то транснациональный капитал, свободно перемещаемый в современном экономическом пространстве благодаря новейшим информационным технологиям, практически полностью находится вне юрисдикции национальных государств.

Реальной силы, которая могла бы противостоять воздействию транснационального капитала, по мнению А. Мовсисяна и С. Огнивцева, в современном мире не существует. Вероятно, они правы, но не будем столь категоричны. Глобальный финансовый кризис 2000-х гг. показал, что единственной реальной силой противодействия деструктивным экономическим процессам пока еще остаются национальные государства.

М.О. Мнацакян указывает на всплеск в современном мире идеи государственной суверенизации и ссылается на авторитетного социолога З. Баумана, который пишет, что «парадоксальным образом не триумф, а *кончина* государственного суверенитета сделала идею государственности страшно популярной» [3, с. 139]. Но если М.О. Мнацакян ссылается на умножение числа суверенных государств, то Э. Гидденс предполагает, что «мы наблюдаем нечто вроде возвращения к национальному государству в мировом масштабе» [4, с. 23]. Примером становления наднациональных, надгосударственных структур, по мнению социолога, выступает Европейский союз, функционирование которого показывает, что «объединенный суверенитет приносит выгоду, имеет реальный смысл – усиление, а не ослабление складывающихся тенденций в мировом обществе» [4, с. 25]. Одновременно он утверждает новый характер формирования национальной идентичности и возможность создания космополитических наций на основе глобального гражданского общества, преодолевающего границы отдельных государств. Сложность современной ситуации в том, что каждая из названных тенденций имеет место. Действительно, современное государство – удобная функциональная конструкция, поэтому усилия, направленные на формирование структуры, организационно и функционально напоминающей прообраз мирового правительства, не являются бесплодными.

В этом ключе можно рассматривать деятельность различных международных организаций, образующих институциональный каркас современного этапа глобального общества. Одно из направлений институционально-системной интеграции России в глобальную систему – участие в деятельности этих институтов и организаций.

Общее экономическое пространство – это не предел интеграции, а ступень к более тесному сближению. Изменение нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности ведет к значительному изменению

институциональных условий иных форм деятельности. Саммит ЕС – Россия, проходивший в Москве через год после утверждения концепции общего экономического пространства России и ЕС, поставил задачу более широкой институциональной интеграции путем создания общих пространств свободы, безопасности и правосудия; науки, исследований и культуры и пространства внешней безопасности. Создание общих пространств далеко от завершения даже в рамках Европы. Эту задачу трудно расценивать даже как декларацию о намерениях, поскольку четко просматривается асимметрия в видении институциональной конструкции и параметров будущего общего пространства. С точки зрения европейской стороны, унифицированное правовое пространство России и ЕС должно подчиняться европейским нормам, поэтому процесс формирования общего пространства должен проходить путем постепенного распространения норм и правил ЕС на Россию.

Учитывая модернизационный вектор развития России, полагаем, что ориентация на европейские нормы имеет смысл, ведь именно Западная Европа служит генетическим источником модернизационных нормативно-правовых моделей. Но российское социально-институциональное пространство обладает спецификой, не имеющей аналогов в государствах Европы. Так, географические, природно-климатические особенности России требуют существования коммунального материально-технического пространства (источник формирования институциональной X-матрицы по С.Г. Кирдиной), социальной инфраструктуры, государственных институтов защиты от рисков. Кроме того, различие социально-экономического развития регионов России более разительное, чем в Европе, более дифференцированно по темпам модернизации экономики, а также с точки зрения инвестиционной привлекательности, а концепция включения России в европейское пространство не имеет никаких механизмов регуляции, сглаживания региональных различий (для сравнения, вступление новых членов в ЕС обеспечивается механизмами дополнительного финансирования). Поэтому сближение принципов и правил нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности, направленное на создание одинаковых возможностей для различных экономических субъектов, в итоге приведет к усилению неравенства между Европой и российскими регионами. С точки зрения Л.Б. Вардомского, создание общеевропейского экономического пространства с учетом России неизбежно усилит систему европейских центрo-периферийных отношений, при этом большая часть регионов России не может рассчитывать на какую-либо иную роль, кроме отдаленной европейской периферии, в то время как европейское значение Москвы и Санкт-Петербурга возрастет [5, с. 70–71]. Российско-общеевропейская унификация правил и норм экономического поведения не создает условия для регионального выравнивания, поскольку закрепляет преимущества уже развитых регионов, в то время как слаборазвитые регионы сохраняют свою непривлекательность для инвестиций, например, в силу отсутствия транспортной инфраструктуры и средств для ее создания.

Очевидно, что препятствием для тесной интеграции России и Евросоюза выступают противоречия, порождаемые несовместимостью институциональных моделей, которая сохраняется, несмотря на провозглашенный Россией курс на рыночную модернизацию. В результате преобразований в российской системе возникли две несовместимые институциональные системы, одна из которых ориентирована на действительное вхождение в рыночное общество, другая – на воспроизводство административных структур, ведомственных иерархий. Представители одной системы ориентируются на прибыль, рыночную логику действия и организации, другой – на получение административной ренты путем создания и эксплуатации бюрократических барьеров, поэтому институциональная система России включает более сильную административно-политическую компоненту, что отражается в совсем других издержках на осуществление экономических трансфертов.

В современном глобальном мире формируется новая институциональная модель интеграции, которую можно назвать открытым регионализмом. Она не предполагает

жестких институционально заданных условий, оставляет возможность для формирования малочисленных субрегиональных группировок и даже двусторонних союзов. В основе данной модели интеграции – снятие ограничений на движение ресурсов (товаров, капиталов и рабочей силы) в пределах региона при отсутствии ограничений во внешних взаимодействиях. К этому типу интеграции относятся так называемые треугольники роста – Золотой треугольник роста (Индонезия, Малайзия, Сингапур), Южнокитайская экономическая зона (КНР, Гонконг, Тайвань), Индокитайская экономическая зона, экономическая зона стран бассейна Японского моря и т. д., а также парные взаимодействия США – Китай, США – Япония, Япония – Китай и т.д. В этой системе России предстоит нащупать векторы интеграционной активности и модели интеграции.

Трансформация институциональных механизмов глобальной интеграции проявляется в установлении системы транснациональных регуляторов, которые можно определить как «управление без правительства» [6, с.18]. К ним относится ряд режимов, устанавливаемых международными соглашениями в отношении использования глобальных ресурсов (рыболовство в международных водах, глобальное регулирование водных ресурсов), регулирования таких важнейших проблем, как испытание ядерного оружия, ограничение его распространения, экологическая безопасность, изменение климата и т.д. Как правило, эти режимы устанавливаются на основе следующих институциональных моделей: межправительственных организаций (например, использование воздушного пространства регулируется Международной ассоциацией гражданской авиации, Международной ассоциацией воздушного транспорта) и на основе системы договоров и соглашений (так, режим нераспространения ядерного оружия выстроен на международном договоре, протоколах и решениях, принимаемых на регулярных международных конференциях, созываемых по данной проблеме. Транснациональные правовые режимы различаются по степени общности – международные конференции и соглашения по климату и режимы экономической деятельности в бассейнах крупнейших рек. Последствия установления подобных режимов противоречивы. С одной стороны, они разрушают традиционно существующие оси политического и экономического противостояния Восток – Запад и Север – Юг, объединяя и направляя усилия различных транснациональных агентов на решение общих проблем. Но с другой стороны, обнажаются противоречия, неразрешимые в рамках существующей экономической и политической модели. Тем не менее существующие договоры накладывают ограничения на традиционные формы национального суверенитета, создают и укрепляют новые институциональные формы глобальной интеграции. Даже если некоторые соглашения не работают, оказываются малоэффективными, они усиливают процессы производства нового глобального порядка путем его спонтанной нормативизации. Во-первых, принятые в результате международных переговоров соглашения не только определяют нормы и правила поведения, но и устанавливают ожидания транснациональных акторов. Тем самым формируется институциональный контекст процессов глобализации. Во-вторых, вокруг определенных правовых режимов складываются транснациональные общности интересов, борьба за принятие тех или иных соглашений формирует структуры международного, глобального гражданского общества. В-третьих, стремление отстаивать свои интересы в ходе переговоров и принятия соглашений включает страны в международные юридические взаимодействия и правотворческие процессы, правительства этих стран оказываются в ситуации вынужденного ограничения суверенитета, включаясь в многостороннюю, многосубъектную сеть глобальных, региональных, локальных управленческих взаимодействий.

Еще один аспект институциональной трансформации, имеющий огромное значение для интеграции России в глобальную систему, – это феномен трансграничного сотрудничества. Теория Гидденса объясняет трансформацию роли государства в глобальном мире тенденцией радикального модерн – сначала модерн производит

«отрыв» этого института от локальных контекстов, затем происходит размывание суверенитета и утрата определяющего значения территории. Средневековый мир, не имевший государства в современном смысле, не знал территориальности и границ, определявших параметры социальной жизни последние полтысячелетия. Только в позднее Средневековье после драматичных событий Столетней войны заключаются договоры, определяющие границы, формируются институты, устанавливающие универсальные регламенты, обязательные для всех жителей данной территории. Устанавливается доминирование универсальных центральных актов регулирования над местными специфическими, формируется единообразное на всей территории государства институциональное устройство. Другая специфичная черта новоевропейского государства – четкая фиксация государственных границ, в рамках которых без всякого исключения действуют все законы данного государства, в то время как в сложной системе вассальной зависимости нередко парадоксальные и противоречивые ситуации при довольно произвольной трактовке функций границы. Кризис государства в глобализирующемся мире проявляется в утрате возможностей универсального, всеобщего регулирования и трансформации системных функций границы (их барьерности и контактности). Следствием становится изменение контуров системы социетальной общности, которая ранее совпадала с государственной территориальностью. Показательно сущностно-функциональное изменение границ в Европейском союзе в результате становления европейской интегрированной системы и правовой унификации по разные стороны границ – из межгосударственных политических они превращаются в сугубо административные. Но возможен и другой путь развития трансграничного взаимодействия, связанный с реструктурированием политических границ, утратой государственной целостности, появлением несистемных транснациональных акторов политического процесса. Второй сценарий чреват в ближайшей перспективе усилением дезинтеграции, эрозией Вестфальской системы, хотя в дальнейшем возможно складывание других моделей интеграционных образований. Для России, обладающей значительной пограничной линией, появляется возможность опробовать различные модели транснациональной интеграции, для чего необходимо наделить регионы полномочиями заключения соглашений о сотрудничестве со своими пограничными «визави». Но при этом следует помнить, что различные типы трансграничного сотрудничества регионов при утрате или ослаблении внутрироссийского интегрирующего вектора усиливают центробежные и дезинтегрирующие силы, что грозит утратой целостности государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука. 1991.
3. Мнацаканян М.О. Глобализация и национальное государство: три мифа // Социологические исследования. 2004. № 5.
4. Гидденс Э. Восемь тезисов о будущем Европы // Прогнозы. Журнал о будущем. 2006. № 4.
5. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
6. Мартинелли А. От мировой системы к мировому обществу // Социологические исследования. 2009. №1.